

К. Т. Сергазина

МОСКОВСКАЯ ОБЩИНА КУПЦА ИВАНА КРУПЕННИКОВА

Христовщина: учение и практика

Христоверы (христововеры, хлысты, квакерская ересь, христовщина, самоназвание – «Вера Христова») – это религиозное движение, возникшее в России в конце XVII – начале XVIII в. среди монашества, крестьян и посадских людей, объединенных симпатиями к традиционной православной аскетике и народной мистике. Более всего ассоциируется с почитанием народных «христов» и «богородиц» и экстатической практикой – радениями с «плясками» и пророчествами. В отличие от нонконформистов христоверы не отделяли себя от православной традиции и посещали церковные богослужения. Вопреки расхожему о них мнению, христоверы не отрицали икон и библейских текстов, с вниманием относились к церковному преданию – культу святых, толкованиям на Библию; почитали юродивых.

В целом движение характеризуется отсутствием централизованных общин и единого учения, вариативностью религиозной практики. Важную роль в распространении христовщины играли странствующие монахи, торговцы и бродячие нищие.

Места возникновения первых собраний (соборов) христоверов – Москва, Венёв, Нижний Новгород, Углич, Кострома. Первые лидеры движения – Прокопий Лупкин (Москва, Нижний Новгород), Иван Суслов (Москва), Агафья (Анастасия) Карпова (Москва), легендарный основатель движения – Данила Филиппович (Кострома).

Христоверы чаще всего собирались для молитвы в монастырских кельях (избах) или в жилых домах. Соборы нередко были ночными или вечерними, в канун крупных церковных праздников.

Религиозное учение христовщины. Как и многие другие религиозные течения конца XVII – начала XVIII в., христовщина предлагала свой путь спасения. Именно он и получил название «Веры Христовой». Воссоздавая учение христоверов, можно выделить следующие принципы этого движения: *сохранение дораскольной молитвенной практики* (двоперстия и старого варианта Иисусовой молитвы: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас»); *проповедь аскезы* (молитва по ночам, пост, отказ от спиртных напитков, вероятно восходящий к новозаветному тексту, рассказывающему о праздновании Пятидесятницы, запрет на сексуальные отношения даже в браке); *призыв к соблюдению заповедей Господних* (не красть, не лгать, не лжесвидетельствовать, не прелюбодействовать); *запрет на матерную брань* и посещение крестин и свадеб; интерпретация экстатического опыта (в том числе пророчеств) как *действия Святого Духа*. Аскетические требования христоверов провозглашались на собораниях в виде кратких ритмичных формул, которые

закреплялись откровениями пророков и толкованиями наставников. Почитание лидеров как «христов» и «богородиц», скорее, символическое (ср.: «...уже не я живу, но живет во мне Христос» – Гал. 2: 20).

Религиозная практика христовщины. Христоверы дополняли традиционные церковные богослужения домашними собраниями, важное место в которых занимало пение духовных стихов, коленопреклоненные молитвы и экстатические практики с самобичеваниями, хороводами и пророчествами. Церковные молитвы нередко совмещались с народными песнями и духовными стихами. Некоторые из пророчеств могут быть сопоставлены с традиционными гаданиями и предсказаниями знахарей. А. А. Панченко указывает, что хлыстовские и скопческие радения в кризисных ситуациях использовались для получения «мирской» информации: об урожае, успехе лова рыбы, личной судьбе того или иного человека и т. д. Мифы об оргиях на радениях не имеют под собой никаких оснований.

Христовщина в Москве

В первой половине XVIII в. центрами христовщины в Москве были крупные монастыри и частные дома.

Из данных первой московской следственной комиссии о раскольниках известно, что в 1730-е гг. главными центрами московских общин стали Ивановский, Варсонофьевский, Георгиевский и Никитский монастыри, а также частные дома: дом отставного солдата Прокопия Лупкина на Швивой горке в приходе церкви Николая Чудотворца, что на Болвановке; дом Семена Мелоскина под Новодевичьим монастырем в Кочках; дома посадских людей Ивана Никитина, Иоакима Федорова и Бориса Калашникова в Кудрине; дом ямщиковой дочери Марии Анкудиновой в Дорогомиловской ямской слободе; дом купца Степана Яковлева за Пречистыми воротами; дом дворового человека князя Голицына Алексея Иванова на Шаболовке; дом Алексея Перфиньева за Серпуховскими воротами; дом мастера казенной парусной фабрики Лаврентия Исполитова в Преображенской слободе. Членами московских общин также были монахи Чудова и Петровского мужских монастырей. Известны христоверы из Богословской пустыни и Кассиановой пустыни, что на Учме. Среди христоверов первых общин – несколько белых священников с членами семей, а также другие представители клира, монастырские крестьяне Николо-Перервинского и Симонова монастырей, посадские люди¹.

Московская община Ивана Крупенникова

Из дела 1747 г. о купце Иване Крупенникове мы узнаём еще два адреса хлыстовских собраний в Москве. Это два дома Ивана Крупенникова – под Варсонофьевским монастырем и в приходе церкви Николая Чудотворца, что в Грачах.

Географически эти адреса значимы для ранней христовщины: в Варсонофьевском монастыре было две кельи (избы), построенные там на деньги Андреяна Петрова, одного из лидеров московской христовщины, известного как «немой юрод». Сам он жил в Москве у Сухаревой башни. А в кельях Варсонофьевского монастыря проживало около 15 девиц, содержание которых он брал на себя (кельи были «на его коште»). Периодически девицы принимали участие в собраниях, которые проходили в доме

Андреяна Петрова у Сухаревой башни, вместе со старицей Афросинией (Евфросинией) из того же монастыря. А церковь Николая в Грачах известна как место захоронения Ивана Сулова – одного из лидеров ранней христовщины, умершего до начала московского следствия 1733 г.

В допросе Ивана Крупенникова, схваченного в 1747 г. в Петербурге по доносу одного из участников костромского дела об Анне Степановой, «почитаемой за богородицу», говорится о том, как купец познакомился с христовщиной и с чего начались собрания в его доме. Он рано остался без отца, и его дядя Степан Савельев привез Ивана Петровича в Москву из деревни Акуловой Ростовского уезда, где жили его родители – крестьяне Борисоглебского Рождественского монастыря Сарской волости Петр Никитин и Анна Мокеева. В Москве он устроил Ивана Петровича в приход церкви «Смоленской Богородицы», что на Арбате, к калачнику Павлу Алексееву в работники, месяцев на десять, а потом к купцу Конюшенной слободы Савве Дмитриеву. Иван Петрович прожил у купца Дмитриева восемь лет, торговал в его лавке за Воскресенскими воротами мукою, а потом, накопив денег, снял угол в избе на Сретенке и перевез туда свою мать Анну Мокееву и сестру Анну Петровну. В то время Иван Петрович был знаком с Игнатием Федоровым, «записным в раскол», то есть старовером, и с Иваном Федоровым Сайкой, портным, «оброчным крестьянином царевны Екатерины Алексеевны». В документах он назван «стариком», и не вполне понятно, это указание на его возраст или на его монашество. Екатерина Алексеевна, сестра Петра I, умерла в 1718 г. – это значит, что встреча Ивана Сайки и Ивана Крупенникова должна была состояться до этого времени, то есть раньше, чем Ивану Крупенникову исполнилось 30 лет (род. ок. 1688 г., см. Приложение).

Иван Сайка учил Ивана Петровича Крупенникова христовщине, рассказывая о том, как можно достичь спасения через отказ от сексуальных удовольствий. «Иван Федоров сын Сайка... ему, Крупенникову, читал в книгах следующее к человеческому спасению и чтоб иметь чистоту и девство, которое чтение и на словах со изъяснением учение слушая он, Крупенников, с прилежанием, за истину оную чистоту и девство принял и исполнял и то и ныне исполняет, а блудного грехопадения за собою не знает»², – говорится в протоколе допроса. Через несколько лет Иван Петрович обзавелся и своим двором, и своей лавкой, и даже своими работниками и торговал вместе с «оброчным крестьянином помещика Сомова... Яковом Козминым сыном Масленниковым хлебным товаром в разных рядах...»³. Про Якова Козмина он рассказал, что «оной-де Яков Козмин жил по писанию святых отец» и учил его, Крупенникова, как и Иван Сайка, чтобы он «жил чистотою, послушанием, кротостью, смирением»⁴.

С того времени Иван Петрович Крупенников начал проводить в праздничные дни и в именины матери и сестры (напомним, они обе Анны) собрания в своем доме близ Варсонофьевского монастыря. Мы видим, что он не был женат в свои 59 лет и что его мать и сестра также разделяли ценности христоверов. То есть в большей степени община Ивана Крупенникова – это домашняя, семейная община.

Материалы допросов Ивана Крупенникова свидетельствуют, как проходили собрания христоверов:

...В тех их собраниях действо было такое: во-первых, зажегши свечи, молились двуперстным сложением Богу в землю и друг другу кланялись в ноги, говоря такие речи: «Простите, Христа ради, помолитесь за нас, за грешных», и садились по лавкам мужеск пол по сторону, а женск по другую, и певали стихи многократно протяженно, во-первых, «Святый Боже,

Святой крепкий, Святой бессмертный, помилуй нас грешных», во-вторых, «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас, грешных» же, потом «Введение, Введение, откуда Дева ведена, ведена Дева с неба на землю, на земле престол ради Сына Божьего сотворен, Богородица-Девушка, небесная царица», а в то время он, Крупенников, взяв белое платенце обеими руками за концы, вертелся кругом по солнцу, говоря такие речь: «Гость дорогой, батюшка родной Данила Филиппович», «Сын Божий, помилуй нас», «Христос воскрес»; а прочие люди говорили «Воистину воскрес»...⁵

Здесь мы видим довольно типичные для христоверов того времени обряды – земные поклоны и духовные стихи, церковные молитвы и кружения. Но есть и особенное: полотенце, с которым кружится Иван Петрович, упоминание «Трисвятого» – «Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Бессмертный, помилуй нас» (редко встречается среди текстов молитв христоверов, хотя и типично для православного богослужения и мирянских домашних практик). И еще – упоминание имени Данилы Филипповича, в позднейшей христовщине получившего титул основателя христовщины.

Московская община и Кострома

Еще мы знаем, что Иван Крупенников принимал у себя в Москве костромичей – в частности, Анну Степанову, про которую говорили, что в деревне Старой Костромской губернии ее почитают за Богородицу. Следствие не подтвердило каких-либо ее претензий на этот статус – скорее, речь шла об оговоре, но можно утверждать, что в селе у Анны Степановой было особое положение: она была известна как «внучка» Данилы Филипповича. Их с племянницей Дарьей Васильевой звали в деревне Старой, где был похоронен Данила Филиппович, «лжехристовыми внучатами». Анна Степанова приезжала в Москву, а сам Крупенников ездил в деревню Старую. И в записях его допроса мы видим упоминание Данилы Филипповича с припиской: «Гость дорогой, батюшка родной»⁶. Скорее всего, это фрагмент духовного стиха из Костромы.

При этом упоминание духовного стиха о Даниле Филипповиче идет в цепочке церковных молитв – «Гость дорогой, батюшка родной Данила Филиппович», «Сын Божий, помилуй нас», «Христос воскрес» («Воистину воскрес»). Причем слова «Данила Филиппович» и «Сын Божий» остались на одной странице (л. 98 об.), а «помилуй нас» перешли на следующую (л. 99). По всей видимости, такой порядок слов породил путаницу (да и «богословскую коллизию») на века вперед: из-за отсутствия пунктуации в тексте допроса имя Данилы Филипповича слилось с именованием Христа «Сын Божий» – и в риторике, по крайней мере, членов следственных комиссий закрепился миф об обожествлении Данилы Филипповича, подкреплявшийся, впрочем, слухами из Костромы.

В деревне Старой в приходе села Криушева, где был похоронен Данила Филиппович, на кладбище было две часовни – два сруба, куда можно было зайти. В одном из этих срубов находилась икона Богоявления с изображением Саваофа (может быть, ее отнесли туда как неканоническое изображение, а может, по каким-то другим соображениям), и в нем можно было молиться. По описанию часовня напоминает небольшие северные часовни, сооружавшиеся на памятных или почитаемых местах.

О часовнях на могилах своих предков Анна Степанова рассказала на допросе. «Над отцом-де ее умершим Стефаном Якимовым, который погребен в том селе Криушеве

при церкви над могилою, с позволения бывшего в Костромском Богоявленском монастыре архимандрита Иова построила она деревянный обруб с покрывкою и для хождения в тот обруб сделаны дверцы небольшие, тако ж и над могилою дедовой и матери ее сотворен такой же обруб, а кем, не помнит»⁷. Обе часовни находились на церковном кладбище, а не в лесу, и это были не просто сени, а именно часовенки, в которых «отправляли большие панихиды». В деле однажды называют эти часовни «гробницами» и упоминают, что внутри находились иконы: «Иоанн Предтеча, на нем вверху изображен Господь Саваоф, благословляющая рука изображена с двоеперстным сложением» (видимо, икона Крещения или ее фрагмент), «Богоявление Господне, на котором благословляющая рука с двуперстным сложением» (вторая икона Крещения)⁸. Эта отсылка к празднику Крещения и к фигуре Иоанна Крестителя как одного из главных героев этого события кажется любопытной. В более поздней христовской ритуалистике и Крещение как праздник, и крещенские тропари имели особое значение. Кроме того, нужно отметить, что на иконе было изображение Саваофа – а ведь с Саваофом народные легенды отождествляют Данилу Филипповича как легендарного основателя христовщины, – и эта самая икона оказывается на его могиле. Причем я уверена, что здесь первична именно икона: сначала этот конкретный предмет появился в часовне, а уже потом возникла легенда, которая, может быть, и вовсе никак не связана с этой могилой, а может быть, связана непосредственно – как память о месте и о человеке.

О себе Анна Степанова на допросе рассказала, что она «в жизнь-де свою с малолетства исповедуется и святых тайн приобщается повсегодно и крестное на себе знамение изображает троеперстным сложением, и в церковь Божию для слушания божественного пения в воскресные и праздничные дни приходит, а раскольства никакого не творит и не знает и с раскольническими учителями и прочими раскольниками не знает, и в дом к ней сторонние разные люди никто приездом не бывает»⁹ и что «такового к ней почитания, что ей молятся и почитают за Богородицу, ни от кого не слыхала и сама таким званием она не нарицается, и моления ей никто не приносит, и грамоте и писать она не учена и не знает»¹⁰.

Следствие подтвердило, что «суеврия за помянутою девкой Анной не оказалось» и что она была «на добрые и вероятные поруки освобождена». Позднее выяснилось, что во время следствия 1747 г. Анна, «по усмотрению присутствующих, явилась в болезни, к тому ж она оказалась в безумии и спрашивать ее никак не можно»¹¹. В ходе следствия Анна Степанова, которой было чуть больше 60 лет, умерла. Может ли констатированное следствием «безумие» Анны Степановой быть указанием на вероятное почитание ее как юродивой, – вопрос открытый, но совершенно очевидно, что эта женщина привлекала внимание своих соседей. Связана ли эта популярность с ее предполагаемым родством с Данилой Филипповичем или с ее набожностью, открытостью или закрытостью, с какими-то ее душевными качествами или образом жизни, не ясно.

Выводы

Московская община Ивана Крупенникова интересна как пример домового общины: сам купец, его мать Анна Мокеева и сестра Анна Петровна разделяли ценности христовщины (поиск пути спасения, отказ от брака, девство, путь кротости и смирения) и хлыстовскую же экстатическую практику, сочетавшую пение духовных стихов и «хождения

вкруг» с церковными молитвами и земными поклонами. В то же время интересна община и своей открытостью: сюда приходят и москвичи, и костромичи. А еще — поездками самого Ивана Крупенникова в село Криушино и деревню Старую, где был похоронен Данила Филиппович и жили его потомки.

И хотя, как мне кажется, нельзя выделять какого-то одного основателя христовщины — и точно им не был Данила Филиппович из Костромской губернии, — но сама по себе связь московского купца Ивана Крупенникова с деревней Старой представляется интересной. Мы можем говорить о доме купца Крупенникова как о месте встречи христовцев, приезжавших в Москву издалека, и о самом Иване Петровиче как о паломнике и, может быть, даже как о вестнике христовщины.

Но и вопросов пока остается много: как он попал в деревню Старую, какие именно стихи привез оттуда, какие заимствовал традиции и как они дальше стали жить в московской общине? Может ли быть связана с этой поездкой легенда о встрече Данилы Филипповича с Иваном Суловым в Москве у Сухаревой башни? Ведь рядом, на Среднем, жил когда-то и Иван Петрович Крупенников.

¹ Подробнее о московских общинах 1730–1740-х гг. см.: *Сергазина К. Т.* «Хождение вкруг»: ритуальная практика первых общин христовцев. М.; СПб., 2017. С. 23–56.

² РГИА. Ф. 796. Оп. 28. Д. 213. Л. 97 об.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Л. 98 об. – 99.

⁶ Там же. Л. 98 об.

⁷ Там же. Л. 9 об.

⁸ Там же. Л. 10.

⁹ Там же. Л. 9–9 об.

¹⁰ Там же. Л. 9 об.

¹¹ Там же. Л. 7.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ДОПРОС КУПЦА ИВАНА ПЕТРОВИЧА КРУПЕННИКОВА, 1747 ГОД*

Февраля 15 дня [1747 г.] означенный Иван Крупенников в роспросе винился и сказал: от роду ему пятьдесят девять лет, грамоте и писать не умеет, отец его Петр, Никитин сын, и мать Анна Мокеева Борисоглебского Рождественского монастыря Сарской волости деревни Акуловой были крестьяне и в прошлых давних годах оной отец его умре и погребен в Ростовском уезде в селе Павлове при церкви Иоанна Предтечи, а каким попом, не упомнит, для того, что он, Крупенин, по смерти его, отца своего, остался один быть, из того ж уезду деревни Кучеры крестьянином, а своим дядею Степаном Савельевым свезен в Москву и отдан в приходе церкви Смоленской Богородицы, что на Арбате, к калачнику (которой умре) Павлу Алексееву и жил у него в работе десять месяцев и оные месяцы пожив, помянутым же дядей своим Степаном отдан купцу Конюшенной Овчинной слободы Сав[в]е Дмитриеву и жил у него восемь лет, торговал от него в лавке за Воскресенскими вороты мукою, брал по два рубли на год,

* Пунктуация автора статьи.

и отжив оные годы, нанял он, Крупенников, на Стретенке у артиллерийского извозчика Артема, а чей сын, не упомянут, у свояченицы Федосьи Петровой угол и с матерью своею Анною Макевной и с сестрою Анною же Петровой жил года с два, торговал от означенного купца Дмитриева по трети: вышеписанной-де Сав[в]а Дмитриев и товарищ его [л. 97 об.] записной в раскол Игнатий Федоров; и живущий у означенной Федосьи Петровой в той же избе, где он, Крупенников, с матерью и с сестрою жил, старик – государыни царевны Екатерины Алексеевны оброчной крестьянин Иван Федоров сын Сайка (который шил портное) – ему, Крупенникову, читал в книгах следующее к человеческому спасению и чтоб иметь чистоту и девство, которое чтение и на словах со изъяснением учение слушая он, Крупенников, с прилежанием, за истину оную чистоту и девство принял и исполнял, и то и ныне исполняет, а блудного грехопадения за собою не знает, и отшел от показанной женки Федосьи Петровой, построил на дворе артиллерийского колокольного и пушечного мастера Ивана Моторина собственную свою избу и с вышеписанною матерью своею и с сестрою жил в той избе, например, лет с десять, торговал с оброчным крестьянином помещика Сомова, а какого чину, не знает, с Яковом Козминым сыном Масленниковым хлебным товаром в разных рядах, а оной-де Яков Козмин жил по писанию святых отец, которой Козмин, також и помянутой Сайка учили его, Крупенникова, означенному, и чтоб жил чистотою, послушанием, кротостью, смирением, и пожив оные годы позади Варсонофьевского монастыря в переулке купил он, Крупенников, свой двор [л. 98] и жил года с четыре, а в те годы жили у него в работниках разных помещиков крестьяне, а кто именно и каких волостей и деревень, не упомянут, торговали в разных рядах хлебом, и оный свой двор продал и купил свой же двор в приходе церкви Николая Чудотворца, что в Грачах, в котором живет и поныне; а в означенное позади Варсонофьевского монастыря его, Крупенникова, житье в праздничные дни и в именины матери и сестры его Анны, по его, Крупенникова, позволению чинены были собрания обоего пола людей, и собирались на те собрания кроме бывших в тех же собраниях матери и сестры его, например, человек по десяти – по двадцати, а иногда и по пяти – сколько когда собиралось, а именно: вышеписанные Яков Козмин, Иван Сайка, отставной солдат Петр Григорьев, церкви Иоанна Богослова, что в Бронной, из богадельни старик, а ему, Крупенникову, дядя в четвертом колене Федор Леонтьев, оброчный крестьянин Антон Елистратов, крестьяне же Лопухиных, а которого, не знает, Петр Данилов, Семен Федоров, Масленниковы два брата, оба, Иван Андреев, артиллерийские служители Михайла Мартьянов, Сергей Нифонтов, женки Марфа Федорова, Прасковья Иванова, девка Аграфена Петрова, Матрена Володимерова и сверх он и другие [л. 98 об.], а кто именно, не упомянут, и оные все, кроме Нифонтова, померли, а Нифонтов, где имеется, не знает, и в нынешнем-де его дворе чинены были таковые ж собрания и собирались, кроме вышеписанных Якова Козмина, племянница его, Козмина, Лукерья Козмина, крестьянин Масленник Федор Иванов с сестрою родной Лукерьей да в дальней колене Федосьей, калачник, крестьянин Василий да Леонтий Егоров, женка Анна Иванова, второй пильдии купца Ивана Федорова жена Антонина Калинина, и в тех их собраниях действо было такое: во-первых, засветя свечи, молились двуперстным сложением Богу в землю и друг другу кланялись в ноги, говоря такие речи: Простите, Христа ради, помолитесь за нас, за грешных, и садились по лавкам мужеск пол по сторону, а женск по другую, и певали стихи многократно протяженно, во-первых, Святыи Боже,

Святой крепкий, Святой бессмертный, помилуй нас грешных, во-вторых, Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас, грешных же, потом Введение, введение, откуда Дева ведена, ведена Дева с неба на землю, на земле престол ради Сына Божьего сотворен, Богородица-Девица, небесная царица, а в то время он, Крупенников, взяв белое платенце обеими руками за концы (приписано сверху строки: «тряся». – К. С.), вертелся кругом по солнцу, говоря такие речь: Гость дорогой, батюшка родной Данила Филиппович, Сын Божий, [л. 99] помилуй нас, Христос воскрес; а прочие люди говаривали Воистину воскрес, а в какой силе оные слова говорил и сверх того какие еще в тех же их собраниях действия чинены были, о том оной Крупенников сказал, что об оных обоих и о всем показанном без отпирательства объявит он в Святейшем правительствующем Синоде и ничего не утаит и чтоб в оной Святейший Синод он, Крупенников, был отпущен.

РГИА. Ф. 796. Оп. 28. Д. 213. Л. 97–99.

Рукопись